

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-400-415>

EDN: YFKCYM

Научная статья / Research Article

Современные правовые проблемы взаимодействия частной и публичной собственности при осуществлении предпринимательской деятельности

В.К. Андреев¹, В.А. Лаптев^{1,2}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва,
Российская Федерация

²Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
laptev.va@gmail.com

Аннотация. Сущность складывающихся между участниками рынка предпринимательских отношений на современном этапе во многом предопределена смешанной системой экономики России. В статье отмечается потребность переосмысления вопроса регулирования основ конституционного строя в нормах Гражданского кодекса РФ о формах права частной и публичной собственности, и использования их в предпринимательской деятельности. Доказывается, что в современных условиях вещь не может рассматриваться как обобщенное понятие, охватывающее все виды материального продукта, существующего в реальном человеческом восприятии, а само вещное право – охватывать все элементы права собственности. Собственность – многоаспектное понятие, характеризующееся правоведом через личные качества его носителя (правообладателя), но отношения собственности в экономическом понимании нельзя использовать для объяснения установленных законом всех форм собственности. Подход к коммерческой корпорации как искусственно созданному субъекту, а не реально существующей организации с органами управления и работниками, исключает обнаружение существующих правовых связей обладателей акций (долей в уставном капитале) с корпорацией и не позволяет утверждать о наличии в праве собственности хозяйственного общества элементов имущества, принадлежащего корпорации. Стопроцентное участие публично-правового образования в акционерном обществе не свидетельствует о полной утрате им права собственности на имущество общества, поскольку у него сохраняются право распоряжения и управления акциями – корпоративные правомочия. Существующая конструкция законного представительства, наделяющая участника корпоративной организации правом защищать от имени последней ее материально-правовой интерес в суде посредством заявления требования о взыскании причиненных обществу убытков, свидетельствует об участии члена корпорации в определении судьбы ее имущества. В заключении делается вывод о трансформации сущностного значения права собственности в российском законодательстве и необходимости переосмысления общих положений о частной и публичной собственности, изложенных в Гражданском кодексе РФ. Предлагается принятие отдельного закона о федеральной собственности и управлении ею.

© Андреев В.К., Лаптев В.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: собственность, формы собственности, частная собственность, публичная собственность, имущественное право, земля и природные ресурсы, доли (акций), приватизация, национализация, предпринимательство, промышленная политика, технологический суверенитет

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Андреев В.К.* – общая концепция статьи, введение, основная часть, выводы; *Лаптев В.А.* – основная часть, выводы, общая редакция, список литературы. Все авторы ознакомились с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Поступила в редакцию: 13 июня 2024 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Андреев В.К., Лаптев В.А. Современные правовые проблемы взаимодействия частной и публичной собственности при осуществлении предпринимательской деятельности // *RUDN Journal of Law*. 2025. Т. 29. № 2. С. 400–415. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-400-415>

Legal problems in public-private property interactions within entrepreneurship

V.K. Andreev¹, V.A. Laptev^{1,2}

¹Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, *Moscow, Russian Federation*

²Kutafin Moscow State Law University (MSAL), *Moscow, Russian Federation*

laptev.va@gmail.com

Abstract. The nature of contemporary entrepreneurial relations among market participants is significantly shaped by Russia's mixed economy. This article argues for re-evaluation constitutional foundations of the Russian economic system within the Civil Code of the Russian Federation, specifically regarding the regulation of private and public property rights, and their application in business activities. It contends that, in modern contexts, a “thing” can no longer be considered a generalized concept encompassing all material products, and that property rights cannot encompass all elements of ownership. Property is a multidimensional concept, characterized by legal scholars through the personal qualities of its holder. However, economic-based property relations alone cannot explain all forms of ownership established by law. The approach to a commercial legally established forms of ownership. Treating a commercial corporation solely as an artificial entity, rather than a real organization with management and employees, obscures the legal connections between shareholders and the corporation. This perspective prevents the recognition of corporate ownership elements belonging to the corporation itself. Furthermore, a public legal entity's 100% ownership of a joint-stock company does not necessarily indicate a complete loss of its ownership rights over the company's assets, as the entity retains the right to dispose and manage shares, exercising corporate powers. The existing legal representation structure, allowing a corporate member to defend the company's material interests in court through claims for damages, demonstrates themember's participation in determining the fate of the company's property. The article concludes that the essential meaning of property rights in Russian legislation is undergoing transformation, necessitating a reassessment of the general provisions on private and public property set out in the Civil Code of the Russian Federation. The authors propose the adoption of a separate law governing federal property and its management.

Key words: property, forms of ownership, private property, public property, property law, land and natural resources, shares, privatization, nationalization, entrepreneurship, industrial policy, technological sovereignty

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: *Andreev V.K.* – conceptualization, introduction, main body, conclusion; *laptev v.a.* – main body, conclusion, general editing, references. All authors have read and approved the final version of the article.

Received: 13th June 2024

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Andreev, V.K., Laptev, V.A. (2025) Legal problems in public-private property interactions within entrepreneurship. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 400–415. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-400-415>

Введение

Модернизация гражданского законодательства, проводимая в соответствии с Указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108¹, не затронула раздел II ГК РФ о праве собственности и других вещных правах, обозначенный в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации «Вещное право»².

Теоретическое обоснование изменений в разделе II части первой ГК РФ, а также подготовленный ко второму чтению проект федерального закона № 47538-6³ изложены в ряде фундаментальных работ отечественных правоведов (Sukhanov, 2017; Vitriansky, 2018), в которых вещное право рассматривается как подотрасль гражданского права, являясь более общим понятием чем право собственности. Основываясь на трудах дореволюционных отечественных и зарубежных, прежде всего немецких, ученых, отмечается, что появление теории вещных прав связано с обеспечением экономически необходимого и юридически прочного участия одного лица в праве собственности другого лица на земельный участок (Sukhanov, 2017: 23).

Развитие отечественного законодательства и юридической доктрины с учетом конституционных основ экономического уклада в стране и складывающейся системы обеспечения публичного порядка позволяют переосмыслить данный подход следующим образом.

Общие положения о праве собственности в главе 13 ГК РФ необходимо развивать в согласованности с экономическими основами конституционного строя России, а также новой редакции Конституции Российской Федерации. Право частной собственности определяется как доминирующая форма обладания имуществом, право собственности на землю и другие природные ресурсы⁴ рассматривается как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а право государственной собственности на землю и природные ресурсы остается за теми объектами, которые не находятся в муниципальной или частной

¹ Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: 2009. С. 72–100.

³ Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую Гражданского кодекса Российской Федерации». Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 13.06.2024).

⁴ *Природные ресурсы* – компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность (ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

собственности. В гражданском законодательстве важно определить роль всех форм собственности в целях устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, в том числе путем развития предпринимательства и частной инициативы.

Категории «публичная собственность» или «публичная форма собственности», обозначающие принадлежность имущества публично-правовому образованию, практически не употребляются в действующем российском законодательстве, однако подробно исследованы в правоведении (Vinnitsky, 2013: 88-89; Nizov, 2020). Вместе с тем рассматриваемые категории активно используются Верховным Судом РФ⁵ и в таком же ключе толкуются Конституционным Судом РФ⁶.

Поскольку сфера действия гражданского законодательства охватывает и предпринимательскую деятельность, требуется более тщательное отражение ее особенностей как квалифицированного вида экономической деятельности. С 2014 года в ряде норм, посвященных деятельности некоммерческих организаций, законодатель стал использовать формулировку «приносящую доход деятельность»⁷, причем ее сущность и содержание не изменились. Вместе с тем в Законе о некоммерческих организациях до настоящего времени содержится дефиниция «предпринимательская деятельность».

В Конституции РФ природные ресурсы характеризуются не как объекты присвоения граждан, юридических лиц или публично-правовых образований, а как элементы благоприятной окружающей среды. Реализация правомочий владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами свободно, но лишь при условии не причинения ущерба окружающей среде и отсутствии нарушений прав и законных интересов иных лиц (п. 2 ст. 36 Конституции РФ). Считается, что Земельный кодекс РФ (далее – ЗК РФ) включил в себя множество частноправовых норм, не укладывающихся в общие нормы гражданского законодательства (Sukhanov, 2017: 40), а разногласия между положениями ЗК РФ и ГК РФ следует разрешать с позиций конституционного регулирования. Этим критерием необходимо руководствоваться также при разграничении тематики научных исследований между специальностями научных работников 5.1.3 и 5.1.2⁸, учитывая, что природные ресурсы в значительной степени подвергаются и публично-правовому регулированию.

Небеспокойна дискуссия на тему возможности рассматривать вещные права в качестве особого гражданско-правового режима. Сам по себе термин «режим» не подходит к их приобретению и осуществлению своей волей и в своем интересе. Глава 2 и раздел II ГК РФ не содержат признаки вещных прав о «юридической прочности», а пассивная обязанность всех третьих лиц не нарушать их не является гражданско-правовой и не может характеризовать специфику определенного класса субъективных прав (Sinitsyn, 2016: 57). В связи с этим и вывод о том, что вещные

⁵ Напр., см.: п. 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке».

⁶ Напр., см.: п. 19 Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2024 года.

⁷ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

⁸ См.: приказ Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // СПС Консультант Плюс.

права могут создаваться только законом, не находит достаточного своего подтверждения.

Представленное исследование является актуальным с учетом проводимой на современном этапе в реальном секторе экономики промышленной политики России (Ershova & Laptev, 2024). Инструментарий технологической политики страны во многом основан на эффективном использовании имущества государства в сочетании с отечественными технологиями⁹.

О категориях собственности, имущества и вещи

В юридической литературе отмечается, что существующая в стране правовая система исключает ряд классических признаков вещных прав (Sukhanov, 2017: 52). Представляется, что нет достаточных оснований для включения в ГК РФ владения как особого, самостоятельного вещного права (фактического господства лица над объектом). Фактическое отношение к вещи не представляет собой правовое явление, а выражает лишь фактическое отношение либо как незначительное по силе субъективное право «с довольно скудным содержанием». Подобная характеристика дореволюционных российских ученых В.И. Синайского и Е.В. Василевского вполне заслуживает внимания и в настоящее время (Sinaisky, 1914; Vaskovsky, 1894).

Вводя в научный оборот понятие «гражданско-правовой режим», предполагается, что вещь является не только материальным предметом, но и имеет форму товара и по этим признакам относится к объектам гражданских прав. В то же время природные ресурсы (например, нефть, газ или электроэнергия) могут и не признаваться вещами в физическом аспекте их рассмотрения, но обладают свойством товара. В этой связи не является верным утверждение о том, что природные ресурсы, извлеченные из недр, электроэнергия в сетях не являются материальными предметами, получившими форму товара. Ввиду данных обстоятельств предлагается более широкое понимание вещи как материального продукта, который не только отражает существующее физическое состояние, бытие предметов материального мира, но и позволит избежать ненужных обобщений, которых и так много в самом ГК РФ.

Представляется, что существующие структуру и содержание ГК РФ можно дополнить положениями, раскрывающими собственность как триаду правомочий в вещных отношениях. В ст. 2 ГК РФ вещные права отграничены от имущественных отношений, что в дальнейшем находит свое отражение в разделе II (ст. ст. 209–306). Отдельные виды предпринимательской и иной экономической деятельности, в процессе ведения которых хозяйствующими субъектами реализуются правомочия собственника, регламентируются действующим законодательством.

В известной степени, основу частноправовых отношений составляют равноправие и автономия их участников. Учитывая данный тезис, главным исходным объектом гражданских прав должно стать имущество, а не вещь. Тогда на месте окажется и формулировка о содержании права собственности (триаде правомочий) в отношении вещей, имущественных прав (в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Кроме

⁹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

того, в условиях масштабной цифровизации экономики страны появились новые, ранее неизвестные обществу, получившие популярность и реальный спрос цифровые активы (цифровое имущество) и соответствующие виды экономической деятельности (Andreeva et al., 2020).

Такой подход означает, что раздел II ГК РФ должен сохранить свое нынешнее название, а о «вещах» можно вспоминать, читая хрестоматийную «Институцию Гая», а именно книги «О лицах», «О вещах», «Об обязательствах» и «Об исках».

В ряде стран постсоветского пространства, несмотря на положения ст. 23 Модельного Гражданского кодекса для государств-участников СНГ, которые во многом были продублированы, в частности в ст. 128 ГК РФ и в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь, к примеру, в Казахстане используется в качестве родового более удачный термин – «имущество», охватывающий собой как вещи, так и иное имущество (п. 2 ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан).

Вряд ли запутанность в понимании термина «собственность» следует объяснять длительным отсутствием в отечественной правовой науке категории вещного права как в объективном, так и в субъективном праве, и говорить не о термине, а о категориях собственности и права собственности. Надо отметить, что в ГК РФ не всегда выдерживается четкое соотношение между имущественными правами, прежде всего экономическими и их квалифицированного вида – предпринимательскими, и самими правами и обязанностями граждан и юридических лиц. Так, регулируемые гражданским законодательством отношения в ст. 2 ГК РФ определяются как основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав.

В отличие от юридического лица, сделки, обязательства и договоры в ГК РФ не определяются с использованием понятия собственности, а упоминается только их содержание. Совершенно необоснованно приписывается правоведам, в том числе одному из авторов настоящих строк, позиция, согласно которой они отождествляют экономически и юридически отношения собственности. Позиция авторов, в частности С.А. Зинченко, о выделении «управленческой формы собственности» (Zinchenko & Galov, 2003:28–29), не может опровергаться тем, что она ведет к смешению различных правовых режимов: вещных, корпоративных и обязательственных (договорных) прав, то есть сама не основана на нормах гражданского законодательства.

Собственность в предпринимательских отношениях

Обоснованность научных взглядов предлагается аргументировать нормами и принципами российского законодательства, поскольку отечественная правовая система, несмотря на существенное влияние на ее становление немецкой юридической доктрины, обладает своей самобытностью (Leger, 2009:233). Подход о том, что формы собственности представляют собой экономические, а не юридические категории, периодически небеспочвенно подвергается критике и требует переосмысления.

Характеристика экономических отношений собственности исключительно как присвоение и выделение субъектов права и субъектов присвоения не раскрывает всей глубины данного явления. Отношения собственности в экономическом понимании – фундаментальная категория, и вряд ли она в юридическом аспекте может быть полностью исследована. Собственник определяет юридическую судьбу своего имущества в рамках установленных нормативными правовыми актами правомочий, при условии, что реализация прав собственника не нарушает права

и законные интересы других участников общественных отношений, то есть правом собственности являются *действия собственника* со своим имуществом. Иными словами, мы обозначаем их «реализацией правомочий» собственника.

Имущество не следует обозначать категорией «собственность», поскольку оно всего лишь объект, принадлежащий собственнику, с которым или по поводу которого совершаются действия, в своей совокупности образующие отношения права собственности. В тех случаях, когда собственником имущества является юридическое лицо – корпоративная либо унитарная организация, действия с имуществом совершают органы или работники организации.

Ярким примером трансформации подходов к видам экономических деятельности, в результате ведения которых возникают качественно новые продукты, служит цифровое имущество. Так, в процессе майнинговой деятельности, работы искусственного интеллекта и применения иных информационных технологий создаются объекты, существование которых возможно лишь в цифровом пространстве (цифровая валюта, NFT, бизнес-аккаунты, виртуальное имущество и др.). Вместе с тем данное цифровое имущество, обладая экономической ценностью и соответствующим спросом на рынке, на практике используется и в предпринимательских отношениях, однако требует дополнительной законодательной регламентации.

В коммерческих корпорациях сохраняется «раздвоение» между имуществом юридического лица и долей участника общества как стоимостного выражения части чистых активов корпорации – конкретное имущество, определяемое в момент выхода участника из корпорации, отчуждения доли в уставном капитале третьим лицам, передачи акций (доли) в залог и т.д., обозначаемого корпоративной собственностью (Andreev, 2007:80–81). Данное раздвоение не только экономических отношений собственности, но и права собственности каждого из участников коммерческой корпорации, органически связанных с правом собственности юридического лица, нельзя назвать единым и единственным.

В корпоративном законодательстве и доктрине категория «собственность» в ряде случаев используется для обозначения соответствующего актива либо объема правомочий, что позволяет утверждать о возможности ее рассматривать в качестве юридического приема, например, обозначая корпоративной собственностью объем корпоративных прав в отношении хозяйственного общества (Laptev, 2017:62–68).

Не случайно уставный (складочный) капитал хозяйственных обществ (товариществ) разделяется на доли (вклады), в соответствии с которыми определяется объем полномочий участников. В корпоративном праве «*принцип отделения*» имущества корпорации от имущества ее участников перекрывается принципом ответственности юридического лица своим имуществом (ст. 56 ГК РФ). Право участника коммерческой корпоративной организации требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам помимо его воли (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ), а также право участников хозяйственного общества устанавливать в корпоративном договоре право приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздержаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ) свидетельствуют о возможностях участников коммерческой корпорации распоряжаться своей долей (акциями), хотя считается, что они находятся в собственности юридического лица.

Многочисленные нормы о субсидиарной ответственности контролирующих корпорацию лиц¹⁰ добавляют аргументацию в защиту тезиса о связи участников с имуществом общества.

Наличие такого логического противоречия, когда лицо распоряжается имуществом, которое находится в собственности другого лица, может быть отменено не делением отношений собственности на экономические и юридические, а особым строением собственности хозяйственного общества, в котором имущество, созданное за счет вкладов учредителей (участников), подвергается особому правовому регулированию. В этих случаях происходит не «смешивание» собственности в предусмотренном ГК РФ порядке, а осуществляется распоряжение и управление долей в уставном капитале (акциями) их владельцами.

Акционерное общество со стопроцентным участием государства является собственником его имущества, полученного как за счет вкладов, так и произведенного и приобретенного обществом в процессе его хозяйственной деятельности. Вместе с тем ряд ученых полагает, что «все встает на свои места, как только речь заходит об имущественной ответственности по долгам такой корпорации, которую государство не захочет и не будет нести за счет своего (казенного) имущества» (Sukhanov, 2017:111).

Не является объективным отнесение к имуществу государства только государственной казны Российской Федерации, поскольку те же вклады в хозяйственные общества могут вносить и унитарные предприятия¹¹.

Видится также любопытным положение п. 6 ст. 66 ГК РФ о невозможности публичных органов участвовать «от своего имени» в акционерном капитале хозяйственных обществ. В 2001 г. данная норма была прокомментирована Высшим Арбитражным Судом РФ с оговоркой на то, что государственные органы все же вправе участвовать в хозяйственных обществах, но лишь в тех, которые создавались по законодательству о приватизации, то есть в процессе приватизации¹².

Находящиеся в федеральной собственности акции общества могут являться самостоятельным имущественным правом, которое передается в другие юридические лица. Так, примером служит передача Государственной корпорации «Ростех» в качестве имущественного взноса государства 6,1 млн обыкновенных именных бездокументарных акций акционерного общества Дальневосточное производственное объединение «Восход», составляющих сто процентов его уставного капитала¹³. Ростеху также переданы сто процентов акций, находящихся в федеральной собственности, преобразованных в акционерные общества двенадцати федеральных казенных и федеральных унитарных предприятий.

Нахождение ста процентов акций одного акционерного общества, переданных в качестве имущественного взноса в имущественном комплексе другого юридического лица, не означает смену формы собственности, учитывая, что уставный

¹⁰ Напр., см.: ст. 64.2 ГК РФ, ст. 61.11 Закона о банкротстве, п. 3.1. ст. 3 Закона об ООО и др.

¹¹ См.: ст. 13 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

¹² См.: п. 14 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами Федерального закона «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации», утв. информационным письмом Президиума ВАС РФ от 21 февраля 2001 г. № 60 // Вестник ВАС РФ. 2001. № 5.

¹³ Указ Президента РФ от 30 декабря 2022 г. № 987 «Об имущественном взносе Российской Федерации в Государственную корпорацию по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции "Ростех"» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть I). Ст. 204.

капитал представляет не все имущество акционерного общества, а служит лишь одним из показателей финансового положения юридического лица. В акционерном обществе стопроцентное участие государства также не дает основание для утверждения, что имущество общества перестает быть объектом государственной собственности, поскольку внесение вкладов в хозяйственное общество не является реорганизацией, а также способом приобретения или прекращения права собственности. Уставный капитал хозяйственного общества с делением на доли (акции) не позволяет окончательно завершить оформление юридического лица как единого и единственного собственника, поскольку распределяются и корпоративные правомочия в отношении юридического лица, в том числе по управлению его имуществом.

При передаче федерального имущества государственной корпорации можно констатировать, что последняя реализует лишь полномочия по осуществлению от имени Российской Федерации управления правами собственника федерального имущества (управленческая компетенция). При этом наделение госкорпорации правом собственности критикуется в правоведении (Tolstoy, 2009:98–102). Данный вопрос вещного права не был решен и при реформировании гражданского законодательства, на что учеными неоднократно обращалось внимание (Tolstoy, 2010:31–38; Gabov et al, 2022:227–247). Предлагается также нейтральный подход о рассмотрении собственности госкорпораций как «иной», не частной, формы собственности (Kleandrov, 2008:30–38).

Учитывая изложенное, полагаем, что конституционный принцип равенства всех форм собственности носит смешанный – экономико-правовой характер. Признание в ст. 8 Конституции РФ многообразия форм собственности вовсе не означает и экономического равенства. Одно дело государственная собственность, к которой относится государственная казна (средства федерального бюджета и иного государственного имущества), другое – закрепленное за предприятиями и учреждениями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления имущество (то есть на производном от права государственной собственности вещном титуле). Кроме того, отдельные виды имущества могут находиться исключительно в публичной собственности (Andreev, 2004:75–91; Golubtsov, 2019:130–151), в связи с чем о фактическом равенстве форм собственности не может быть речи. Не может быть и *единого права собственности*, содержание которого будет определяться в отрыве от объема правомочий его правообладателя. Данное предположение прямо противоречит положению п. 3 ст. 212 ГК РФ, указывающему на особенности реализации прав собственника отдельными участниками общественных отношений (гражданами, юридическими лицами и публично-правовыми образованиями).

Другим теоретическим вопросом выступает объяснение с позиции единого права собственности передачи в порядке приватизации публичным собственником своего имущества в собственность граждан и юридических лиц (ст. 217 ГК РФ), и наоборот – в государственную собственность имущества, ранее находящегося в частной собственности (например, п. 9 ст. 235 ГК РФ). В том или другом случаях, предусмотренных законом, меняется юридическая форма собственности.

То обстоятельство, что различные виды и формы права собственности не известны ни одному из развитых зарубежных правопорядков, не может служить основанием для игнорирования закрепленных в ГК РФ различных форм права собственности, исходящих к тому же из конституционных положений.

Всестороннюю научную оценку взгляда, что форма собственности лишена реального юридического смысла дал А.В. Винницкий (Vinnitsky, 2013:90–92),

который соглашается с мнением Е.А. Суханова о том, что в экономическом плане существует частная и публичная формы собственности, и иных форм собственности нет и не может быть. Однако А.В. Винницкий резонно замечает необходимость адекватного юридического опосредования объективных экономических закономерностей. Можно поддержать и другой его вывод о том, что вопросы публичной формы собственности в правоведении выходят за пределы сугубо субъектов вещного права, а конституционный принцип равной защиты всех форм собственности не означает тождества их правового регулирования.

Объекты гражданских прав, в том числе вещи, обладают свободной оборотоспособностью при условии отсутствия законодательных запретов (ст. 129 ГК РФ). К примеру, при исполнении договора купли-продажи не учитывается форма собственности товара, передаваемого в собственность другого лица. Не имеет значения форма собственности на имущественную основу предприятия, выступающего подрядчиком (исполнителем) по договору выполнения подрядных работ или оказания услуг, по результату исполнения которого заказчику передаются объекты гражданского оборота, обладающие материальным выражением. Особым случаем также представляется соглашение о публично-частном партнерстве, одним из элементов которого, в частности, выступает возникновение у частного партнера права собственности на соответствующие объекты соглашения¹⁴.

Видится интересным и то обстоятельство, что в зависимости от правообладателя меняется набор правомочий в отношении объекта собственности – имущества. К примеру, организации реализуют правомочия в отношении принадлежащих им земельных участков в установленных законодательством рамках (ст. 43 ЗК РФ), в то время как реализация правомочия государства содержит в себе двойственный характер: частноправовой (возможность их приватизации в частную собственность либо заключении соглашения о разделе продукции с инвесторами) и публично-правовой (регулирование вопросов вовлеченности земель в сельскохозяйственный оборот, изъятие их для государственных нужд и т.д.).

Экономическое содержание собственности не может характеризовать присвоение конкретным лицом имущества и одновременное отчуждение его от других лиц. Экономические отношения, в отличие от правовых, представляют собой абстрактные связи без выявления конкретных лиц, в них присутствующих. Видится дискуссионным утверждение о том, что в силу положений ГК РФ любая форма собственности является «частной», в том числе принадлежащая государству. Как представляется Л.В. Щенниковой, «с позиции гражданского права нет форм собственности, а есть различные субъекты этого права» (Shchennikova, 1996:24).

Участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане и юридические лица. С точки зрения правового регулирования представляется верным деление в ст. 212 ГК РФ субъектов права собственности по принадлежащему им имуществу: физические и юридические лица; публично-правовые образования. Упоминание в ст. 124 ГК РФ положения об участии Российской Федерации ее субъектов и муниципальных образований на равных началах в отношениях с гражданами и юридическими лицами, опровергается последующими статьями главы 5 ГК РФ, где устанавливается порядок их участия в гражданском обороте, ответственность по своим обязательствам.

¹⁴ См.: ст. 3 и 6 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4350.

Ключевое положение гражданского законодательства – граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе – не находит прямого регулирования в правоотношениях с участием государства. Более того, правомочия в отношении федеральной собственности дополняются ее управлением (Andreev, 2004:153–159), осуществляемым Правительством Российской Федерации (подп. «г» п. 1 ст. 114 Конституции РФ).

Исходя из утверждения о том, что ГК РФ – акт частного права, в нем лишь по «остаточному принципу» перечислены объекты, которые могут находиться в публичной собственности, в отличие, например, от Гражданского кодекса КНР¹⁵, где объекты общенародной собственности прямо указаны в статьях 246–254. В перечень указанных объектов, в частности, входят полезные ископаемые, водотоки, морские акватории, городские земли, леса, горы, дикие животные и средства национальной обороны (железная дорога, объекты электротехники, телекоммуникационные объекты и др.). В Казахстане земля, ее недра, воды и иные природные ресурсы принадлежат народу, от имени которого право собственности реализует государство посредством действия в их отношении режима государственной собственности (ст. 193 Гражданского кодекса Республики Казахстан).

При признании равной защиты всех форм собственности никуда не исчезают особенности в приобретении и осуществлении полномочий того или иного вида собственника, видов имущества, которые могут находиться в публичной собственности. Формальное равенство различных титулов собственности не позволяет определять, какие виды имущества являются государственной собственностью после предварительного отнесения их к частной собственности, как это было применительно к природным ресурсам (п. 2 ст. 214 ГК РФ).

Отмеченные обстоятельства позволяют сделать вывод, что публичный аспект государственной федеральной собственности и вопросы управления ею должны получить развернутое правовое регулирование в форме отдельного федерального закона (Andreev, 2024:28–32). Более того, подобные вопросы применительно к собственности субъектов Российской Федерации и муниципальной собственности уже нашли свое отражение в специальных законах¹⁶, и в данной части рассматриваемой проблематики дискуссия не актуальна.

По сравнению с Законом РСФСР о собственности (1990 г.)¹⁷ право частной собственности граждан и юридических лиц в положениях ГК РФ изложено лишь в одной статье 213. В разделе II указанного Закона праву частной собственности резонно было посвящено две главы, одна из которой определяла правовой режим собственности граждан (ст. ст. 9–13), другая, – юридических лиц (ст. ст. 14–16). Особое внимание уделялось праву собственности гражданина, осуществляющего предпринимательскую деятельность (ст. 11), *собственности предприятия*, как хозяйственных обществ и юридических лиц, созданных в качестве собственников имущества (ст. 14) и *собственности предпринимательского объединения* (ст. 16).

¹⁵ Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / 中华人民共和国民法典. Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2020-06/01/content_5516649.htm (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁶ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973; Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁷ Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

Не выделив особенности правового положения гражданина как субъекта предпринимательской деятельности (ст. 2 и 401 ГК РФ), приравняв его к правам коммерческой организации (ст. 23 ГК РФ)¹⁸, оказалась ослабленной защита чести и достоинства граждан и уважения человека к труду ввиду отсутствия конкретных критериев неосновательного, помимо уголовно-правового аспекта, обогащения за счет третьих лиц, а также критериев изменения количества и видов имущества в собственности гражданина (например, применительно к земельным участкам на праве пожизненного наследуемого владения).

Общие положения ст. 213 ГК РФ закрепляют возможность нахождения любого имущества в собственности граждан и юридических лиц, вне зависимости от его количества и стоимости. Исключение составляют те объекты права собственности, которые обеспечивают защиту конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, оборону страны и безопасность государства. Хотя в отличие от Закона о собственности в РСФСР специально не выделяется право собственности общественных объединений (организаций), но в названной статье указывается, что общественные и религиозные организации, благотворительные и иные фонды, являясь собственниками приобретенного имущества, могут его использовать для целей, предусмотренных их учредительными документами.

Существенные отличия между частной и публичной собственностью не в полной мере отражаются и в судебной практике. Вместе с тем отдельные разъяснения безусловно заслуживают внимания. В частности, приводятся разъяснения того, что акционерные общества, созданные в процессе приватизации посредством реорганизации в форме преобразования, становятся, как *правопреемники*, собственниками имущества, включенного в план приватизации и передаточный акт¹⁹. Известно, что правопреемником является лицо, приходящее в материальном правоотношении на замену прежнего лица-правопредшественника (ст. 58 ГК РФ), в данном случае – государства. В этой связи возникает вопрос о том, что же меняется: субъект права собственности или форма собственности? Если мы утверждаем об изменении и того, и другого, то такой вывод не является бесспорным, хотя бы уже потому, что само по себе имущество сохраняет все свои качества, свойственные до реорганизации государственного предприятия.

Выбытие стороны из материального правоотношения по общему правилу не влечет также изменение полезных свойств имущества. Так, если имущество было вовлечено в предпринимательскую деятельность, то вне зависимости от его правообладателя оно сохраняет все ранее принадлежащие ему свойства (качества). Изменению может быть подвергнут только объем правомочий собственника в отношении данного имущества. В частности, если государство обладает правомочиями в области регулирования правового режима использования природных ресурсов, а также заключает в отношении них сделки (гражданско-правовые договоры, частно-публичные соглашения и др.), то у частных лиц таких правомочий априори нет.

¹⁸ См. также: п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9; 1997. № 5.

¹⁹ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

Видится не случайным законодательное закрепление свойств публичного договора, заключаемого в области энергоснабжения в порядке ст. 426 ГК РФ лицами, ведущими предпринимательскую либо приносящую доход деятельность. Даже складывающиеся на основе договора поставки через присоединенную сеть газа отношения именуются *публичными правоотношениями*²⁰, подчеркивая тем самым особый характер реализации правомочий собственника поставляемого газа.

В корпоративных спорах допускается использовать конструкции защиты нарушенного права, например, путем предъявления требования виндикационного характера, свойственные вещному праву. В частности, при наличии оснований, закрепленных в ст. 302 ГК РФ, собственник при утрате акций может заявить требование об их возврате к добросовестному приобретателю²¹. Впоследствии данный подход найдет свое отражение в ст. 149.3 ГК РФ, посвященной защите прав на бездокументарные ценные бумаги, что вполне соответствует положению нормы ст. 307.1 ГК РФ. Если же мы посмотрим на содержание участия в акционерном обществе, то акции наделяют ее собственника имущественными, управленческими и информационными правами. В данном случае можно даже предположить, что само участие в капитале хозяйственного общества является неким *корпоративным имуществом*, наделяющим его собственника (участника, акционера) корпоративными правами в отношении хозяйственного общества. То есть сами по себе акции являются средством фиксации объема правомочий, который в свою очередь, может быть изменен положениями устава либо корпоративного договора (ст. 67.2 ГК РФ).

Рассмотрение участия в корпоративной организации с точки зрения объема правомочий (в том числе управленческих) соответствует и конструкции законного представительства, позволяющий участнику от имени, но в своих интересах, защищать нарушенные права своего общества путем предъявления требования о взыскании причиненных обществу убытков, включая выпадающий либо недополученный доход (ст. 65.2 ГК РФ). Таким образом, участники, обладая корпоративным имуществом (участвуя в капитале), могут изменять состав имущества самой корпоративной организации в отрыве от реализации правомочий ее исполнительного органа (ст. 53 ГК РФ).

Приведенные крайние примеры также свидетельствуют о том, что, с одной стороны, имуществом может обозначаться широкий круг экономико-правовых явлений, а, с другой стороны, им признают объекты, в отношении которых их правообладателям принадлежит соответствующий объем правомочий (в силу закона, устава, корпоративного договора и иного основания).

Выводы

Настоящее исследование позволяет переосмыслить содержание главы 13 ГК РФ в части общих положений о праве собственности и иных вещных прав. Предлагается

²⁰ Напр., см.: Методическими рекомендациями по рассмотрению территориальными органами ФАС России жалоб на действия (бездействия) поставщиков газа, выразившиеся в навязывании невыгодных условий договора поставки газа в части определения сроков согласования корректировки объема природного газа (письмо ФАС России от 1 ноября 2022 г. № ВК/99924/22 «О направлении рекомендаций» // СПС Консультант Плюс).

²¹ См.: п. 7 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 6.

разделять отдельные виды права собственности (частная или публичная) и правомочия по управлению имуществом. Категория «имущество» должно рассматриваться в качестве объекта и не может отождествляться с собственностью, о чем свидетельствует проведенный анализ применительно к природным ресурсам, используемым в сфере предпринимательских отношений (земле, воде, недрам и др.).

Полагаем необходимым включить в гражданское законодательство положения о федеральной государственной собственности. Обязательными положениями предлагаемого акта должны быть нормы или даже критерии, позволяющие отнести имущество в состав исключительно федеральной собственности (в частности, оборонно-промышленных комплексов, стратегических для обеспечения безопасности страны предприятий, ряда экономически значимых и высокотехнологичных предприятий и т.д.). Предлагаем вновь вернуться к идее принятия закона о федеральной государственной собственности, подробно регламентирующего порядок управления ею.

Приведенные положения будут способствовать эффективной реализации промышленной и технологической политики России, включающей в себя меры государственного стимулирования, направленные на обеспечение технологического суверенитета страны.

References / Список литературы

- Andreev, V.K. (2004) *State Ownership in Russia*. Moscow, Case Publ. (in Russian).
Андреев В.К. Право государственной собственности в России. М.: Дело, 2004. 240 с.
- Andreev, V.K. (2007) *On the Right of Private Property in Russia (Critical essay)*. Moscow, Volters Kluver Publ. (in Russian).
Андреев В.К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М.: Волтерс Клувер, 2007. 184 с.
- Andreev, V.K. (2024) On the regulation in the Civil Code of the Russian Federation of state participation in promoting the development of entrepreneurship. *Entrepreneurial law*. (1), 28–32. <https://www.doi.org/10.18572/1999-4788-2024-1-28-32> (in Russian).
Андреев В.К. О регулировании в ГК РФ государственного участия в содействии развитию предпринимательства // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 28–32. <https://www.doi.org/10.18572/1999-4788-2024-1-28-32>
- Andreeva, L.V., Gavrin, D.A., Egorov P.E. et al. (2020) *Digital Economy: Conceptual Foundations of Legal Regulation of Business in Russia*. M.: Prospect Publ. <https://www.doi.org/10.31085/9785392328604-2020-488> (in Russian).
 Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России / Л.В. Андреева, Д.А. Гаврин, П.Е. Егоров [и др.]. М.: Проспект, 2020. 488 с. <https://www.doi.org/10.31085/9785392328604-2020-488>
- Ershova, I.V., Laptev, V.A. et al. (2024) *Law and the Real Sector of the Russian Economy*. Moscow: Prospect Publ. <https://www.doi.org/10.31085/9785392407354-2024-480>
 Право и реальный сектор экономики России / И.В. Ершова, В.А. Лаптев, Л.В. Андреева [и др.]. М.: Проспект, 2024. 480 с. <https://www.doi.org/10.31085/9785392407354-2024-480>
- Gabov, A.V., Tonkov, E.E., Shalaykin, R.N., & Yakovlev, V.I. (2022) Current problems of codification of Russian legislation: History, current state and development vectors (Review of reports of the International Scientific and Practical Conference on the 100th Anniversary of the Civil Code of the RSFSR of 1922). *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. (17 (6)), 227–247. <https://www.doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-6-gabov-tonkov-shalaykin-yakovlev> (in Russian).
Габов А.В., Тонков Е.Е., Шалайкин Р.Н., Яковлев В.И. Актуальные проблемы кодификации российского законодательства: история, современное состояние и векторы развития (обзор докладов Международной научно-практической конференции к 100-летию Гражданского кодекса РСФСР 1922 года) // Труды Института государства и права Российской

- академии наук. 2022. № 17 (6). С. 227–247. <https://www.doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-6-gabov-tonkov-shalaykin-yakovlev>
- Golubtsov, V.G. (2019) *The Russian Federation as a Subject of Civil Law*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).
- Голубцов В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права. М.: Статут, 2019. 272 с.
- Zinchenko, S.A & Galov, V.V. (2013) *Property and Derivative Rights (Doctrine, legislation, enforcement)*. Rostov-on-Don: Profpress Publ. (in Russian).
- Зинченко С.А., Галов В.В. Собственность и производные права (доктрина, законодательство, правоприменение). Ростов-на-Дону: Профпресс, 2013. 233 с.
- Kleandrov, M. I. (2008) Property rights of state corporations: selected issues. In: Tuzov, D.O. (ed.) *Property Rights: System, Content, Acquisition: A Collection of Scientific Works in Honor of Professor B. L. Haskelberg*. Moscow, Statute Publ., 30–39. (in Russian).
- Клеандров М.И. Право собственности государственных корпораций: некоторые вопросы // Вещные права: система, содержание, приобретение: сборник научных трудов в честь профессора Б.Л. Хаскельберга / под редакцией Д.О. Тузова. М.: Издательство «Статут», 2008. С. 30–39.
- Laptev, V. A. (2017) Corporate property as a juridical technique in corporal law. *Journal of Business and Corporate Law*. 2(6), 62–68. (in Russian).
- Лантев В.А. Корпоративная собственность – юридический прием корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2 (6). С. 62–68.
- Leger, R. (2009) *Great legal systems of our time: A comparative legal approach*. Moscow, Volters Kluver Publ. (in Russian).
- Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2009. 584 с.
- Nizov, V. A. (2020) Constitutional and legal foundations of public property in the context of the creation of legal entities of public law. *Comparative Constitutional Review*. (5), 134–149. <https://www.doi.org/10.21128/1812-7126-2020-5-134-149> (in Russian).
- Низов В.А. Конституционно-правовые основы публичной собственности в контексте создания юридических лиц публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 134–149. <https://www.doi.org/10.21128/1812-7126-2020-5-134-149>
- Sinaisky, V. I. (1914) *Russian civil law: Common part and property law. No. 1*. Kyiv, Kaspersky, T.A. Publ. (in Russian).
- Синайский В.И. Русское гражданское право: Общая часть и вещное право. Вып. 1. Киев: Изд. Т. А. Касперского, 1914. 330 с.
- Sinit syn, S.A. (2016) Absolute and relative subjective rights: Problems of theory. *Journal of Russian Law*. (2), 55–62. (in Russian).
- Синицын С.А. Абсолютные и относительные субъективные права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 55–62.
- Shchennikova, L.V. (1996) *Real Rights in Russian Civil Law*. Moscow, BEK Publ. (in Russian).
- Щенникова Л. В. Вещные права в гражданском праве России. М.: БЕК, 1996. 186 с.
- Sukhanov, E.A. (2017) *Real Law: Scientific and Educational essay*. Moscow, Statute. (in Russian).
- Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
- Tolstoy, Y.K. (2009) Subjects of Property Law in Russian Legislation. *Economy and Law*. (4), 98–102. (in Russian).
- Толстой Ю.К. Субъекты права собственности в российском законодательстве // Хозяйство и право. 2009. № 4. С. 98–102.
- Tolstoy, Y.K. (2010) On the concept of civil law development. *Journal of Russian Law*. (1), 31–38. (in Russian).
- Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–38.
- Vaskovsky, E.V. (1986) *Civil Law Textbook: Property Law*. Vol. 2. St. Petersburg, N.K. Martynov Publ. (in Russian).

Васьковский Е.В. Учебник гражданского права: Вып. 2: Вещное право. СПб.: Н.К. Мартынов, 1986. 190 с.

Vinnitsky, A.V. (2013) *Public Property*. Moscow, Statute Publ. (in Russian).

Виницкий А. В. Публичная собственность. М. : Статут, 2013. 732 с.

Vitriansky, V.V. (2018) *Reform of Russian Civil Law: Interim Results*. 2nd ed. Moscow, Statute Publ. (in Russian).

Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.

Сведения об авторах:

Андреев Владимир Константинович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права, Институт государства и права, Российская академия наук; Российская Федерация, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ORCID: 0000-0002-8615-5868, SPIN-код: 3399-7537

e-mail: andlaw@mail.ru

Лаптев Василий Андреевич – доктор юридических наук, судья Арбитражного суда города Москвы, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права, Институт государства и права Российской академии наук; Российская Федерация, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права, Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Российская Федерация, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская ул., д. 9

ORCID: 0000-0002-6495-1599, SPIN-код: 5776-0978

e-mail: laptev.va@gmail.com

About the authors:

Vladimir K. Andreev – Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Leading Researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8615-5868, SPIN-code: 3399-7537

e-mail: andlaw@mail.ru

Vasily A. Laptev – Doctor of Legal Sciences, Judge of the Moscow Arbitration Court; Chief Researcher of the Civil and Entrepreneurial Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation; Full Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6495-1599, SPIN-code: 5776-0978

e-mail: laptev.va@gmail.com